

„Wychowanie w Rodzinie” t. VII (1/2013)

Анастася Н. КОШЕЧКО

Томский государственный педагогический университет, Россия

Семья в экзистенциальной парадигме Дневника писателя Федора М. Достоевского

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы семьи как ценностного императива в экзистенциальном тексте Достоевского (на материале *Дневника писателя*).

Ключевые слова: семья, экзистенциальное сознание, «пограничная ситуация», пореформенная эпоха, православная культура, ценности, духовный императив, *Дневник писателя*.

Одной из ведущих тенденций русской литературы является ее обращение к семье как фундаментальной ценностной структуре, во многом определяющей специфику русского национального мирообраза. Актуальность темы семьи проявляется наиболее зримо в моменты кризисов и исторических «сломов», когда главной задачей и художественных, и публицистических произведений становится не только теоретическое осмысление причин изменения семьи, но и актуализация ее традиционной ценности, ее духовных основ.

Специфика понимания семьи Достоевским определяется видением проблемы через призму экзистенциального сознания, которое представляет собой «философски-художественный феномен, существующий одновременно в двух ипостасях: как индивидуальный поведенческий

текст писателя (повседневное-экзистенциальное сознание) и как тип художественного мышления, реализующий себя в различных формах художественного письма»¹.

Эпоха 1860–1870-х гг. предстает в сознании писателя как «пограничная ситуация», в которой «происходит фундаментальное продумывание смысла бытия, экзистенциальное самоопределение личности»². Механизм ценностного переосмысления приводится в действие появлением новой формы сознания, атеистического по своей природе, отрицающего традиционные нравственные императивы и требующего появления новых, адекватных его «всеотрицающей» природе. Достоевский, находясь в эпицентре эпохи, отчетливо видит, как происходит разрушение духовных ценностей, самовольный отказ человека от сдерживающих пределов (Бог, мораль), дезориентация сознания, обесмысливание жизни, которое неминуемо ведет к саморазрушению человека: «делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его»³ (т. 21, с. 101); «внутренний дух..., внутренняя вековая правда... – пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» (т. 21, с. 100). Исследование этих процессов, поиск способов художественного осмысления новых, непонятных, пугающих событий, изображение «русского хаоса» становится одной из ведущих художественных задач Достоевского в «Дневнике писателя». Еще в XIX веке, сохраняющем идею непрерывности православного, духовно-нравственного способа существования личности в мире, писатель показывает ужасы бытия нового сознания и предупреждает о разрушительных перспективах его осуществления.

Благодаря установке писателя на диалог со всеми русскими гражданами, со всем русским миром «дневниковая проза» Достоевского преодолевает рамки «прямой» публицистики и становится сложным многозначным текстом с устойчивой системой экзистенциально-философских доминант: осмысление проблемы семьи и путей преодоления кризиса происходит через призму собственного опыта писателя, а эпоха

¹ А.Н. Кошечко, *Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы)*, «Вестник ТГПУ», 2011. Вып. 7 (109), с. 192.

² Там же, с. 194.

³ Ссылки на *Дневник писателя* Достоевского даются в тексте работы в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука, Ленинградское отделение, 1972–1986.

1860–1870-х годов осознается как «пограничная ситуация», в которой решающую роль играет ценностный выбор каждого конкретного человека. Поэтому для писателя было важно в анализе проблемы семьи мотивировать читателей к самостоятельности мышления и ответственности за свои воззрения, расширить временную и пространственную перспективы текста, перевести осмысление проблем из плана «современного» и «своевременного» в план универсальный, вечный.

Для Достоевского изображение жизни семьи в эпохе есть анализ самой эпохи: «Семья является своеобразным показателем уровня общественного развития и концентратом общественных проблем и противоречий»⁴. Семья в «Дневнике писателя» предстает как явление, наиболее точно проявляющее суть происходящих в обществе изменений и катаклизмов.

Можно выделить два центральных ценностно-смысловых вектора построения семьи пореформенной эпохи, зафиксированных в тексте «Дневника», отражающих как амбивалентность человеческой природы, так и антиномичность творческой индивидуальности Достоевского, характерное для писателя *pro et contra*, – вектор личностный, индивидуалистический и вектор духовно-нравственный, родовой.

Личностное начало в силу высокой развитости сознания стремится к самоутверждению вопреки духовным ценностям и идеалам, нарушает границы свободы других личностей, требуя от них жертвы. Источником пробуждения индивида, личностного начала, с точки зрения Достоевского, в большинстве случаев является нарушение нравственной нормы, преступление.

Исследуя этот ценностный вектор, Достоевский изображает в «Дневнике писателя» семьи, утрачивающие внутренние связи, внешнюю и внутреннюю стабильность, поднимает проблемы утраты традиционных представлений о ценности семьи, религии, этических общечеловеческих норм: «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся. И семейство, стало быть, разлагающееся» (т. 25, с. 35). Оказывается разрушенным сам фундамент семьи при сохранении формального, чисто внешнего института семьи. Семья из явления духовного превращается в явление социальное, предельно ограниченное в силу утраты духовной составляющей этой социальной, бытовой ролью.

⁴ Е.И. Семенов, *Роман Достоевского «Подросток»* (проблематика и жанр), Л.: «Наука» 1979, с. 137.

«Теперешняя» (в терминологии Достоевского) русская семья своим видом противоречит идее семьи как таковой: она демонстрирует беспорядок вместо установленного и отстоявшегося веками порядка, небрежение в отношении родительских и сыновних обязанностей.

Для обозначения семьи, в которой распались внутренние связи и которая находится в состоянии «хаоса» и «беспорядка», Достоевский выбирает предельно точный в ценностном отношении термин – «случайное семейство»: «Случайность русского семейства [...] состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи [курсив мой – А.К.], в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь [курсив мой – А.К.] [...] Само присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи – есть уже начало порядка, то есть *нравственного порядка* [курсив мой – А.К.]» (т. 25, с. 179).

Отцы, отпавшие от Бога и отводящие от Него свои семьи и своих детей, оказываются неспособными предостеречь своих детей от ужасных потерь в виде страданий «души оскорбленной», в виде постыдных впечатлений, вынесенных из детства: «Я взял *душу безгрешную* [здесь и далее курсив мой – А.К.], но уже загаженную страшною *возможностью разврата*, раннюю *ненавистью за ничтожность и „случайность“* свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже *допускает сознательно порок в свои мысли*, уже лелеет его в сердце своем [...] все это оставленное единственно на свои силы и на свое разумение, да еще, правда, на Бога. Все это *выкидыши общества*, „случайные“ члены „случайных семейств“» (т. 22, с. 8).

Достоевский неоднократно в «Дневнике писателя» подчеркивает, что христианские доминанты воспитания духовной личности в пореформенную эпоху разрушаются не спонтанно и стихийно, а систематически и планомерно через разрушение духовных оснований семьи. Дети, по Достоевскому, есть во многом живой воплощенный результат отцов своих: «Если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное [...] отрицание; если слово „отечество“ произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой [...]; если великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях

„общечеловеческих”; если еще в детстве прогоняли их няnek за то, что те над колыбельками их читали „Богородицу”, – то скажите: что можно требовать от этих детей? [курсив мой – А.К.]» (т. 21, с. 135). Это, по мысли Достоевского, закономерный результат «удивительной», «обезбоженно-обездушенной» системы воспитания: кого могут воспитать такие отцы и такие матери? Двое непослушных, лишенных духовных основ человека, могут воспитать только такого же ребенка, ориентированного на себя, а не на Бога и родителей: «Оторванность от почвы и от народной правды в нашем юнейшем поколении должна уже удивить и ужаснуть даже самих „отцов” их, столь давно уже от всего русского оторвавшихся и доживающих свой век в блаженном спокойствии критиков земли русской. [...] Сами же они теперь не узнают *своих последствий* и от них отрекаются» (т. 24, с. 52).

Следствием воспитания человека в «случайном семействе» становится «полная потеря высшего идеала существования» (т. 23, с. 25), который, по Достоевскому, связан с идеей бессмертия: «В семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, и об идее бессмертия не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого [...] детства...» (т. 24, с. 51). Последствием отказа от нее, по Достоевскому, будет «мрак, [...] хаос, нечто [...] грубое, слепое, бесчеловечное» (т. 21, с. 133). По мысли Достоевского, результаты подобного отказа для человеческой души могут оказаться необратимыми: «раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до *удивительных* [курсив мой – А.К.] результатов» (т. 21, с. 133).

Альтернативный ценностный вектор построения семьи – начало духовно-нравственное, родовое, – напротив, определяется религиозными идеалами, следование которым предполагает развитие личности человека в диаметрально противоположном направлении: не требовать жертвы от других, а постоянно быть готовым к отказу от себя, своих личных желаний и интересов, к самопожертвованию во имя других. По мысли писателя, преодоление «искуса индивидуальности», выход из абсурда «пограничной ситуации», возможность нравственного спасения связаны с народной верой, христианской сущностью устоев народа. В «Дневнике писателя» русский народ определяется как народ-богоносец, носитель подлинной православной веры: «в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление

к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям» (т. 21, с. 113).

Поэтому Достоевский в «Дневнике писателя» не только отчетливо показывает кризисное, «ломающееся» сознание, фиксирует процессы развоплощения и саморазрушения, он пытается выстроить систему духовных противовесов, найти то «ядро», которое составляет неистребимую основу бытия и позволяет в «мировом вихре» сохранить «образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни»⁵. Семья для писателя – духовно-нравственный, ценностный императив, который неотделим от идеи Бога, идеи народа, идеи восстановления распавшихся связей. Писатель, как нам представляется, не только констатирует трансформацию Семьи в «случайное семейство» и описывает механизмы этой трансформации, он ищет пути преодоления сложившейся ситуации, выявляет в современной ему действительности и анализирует факты положительного опыта.

В «Дневнике писателя» представлен целый спектр перипетий семейной жизни, истории разложения современных автору семейств: дело Каировой, дело Кронеберга, убийство мещанки Перовой и др. Смысл такой концентрации фактов состоит в выявлении несоответствия происходящего в реальной жизни и того, что должно существовать: «Я ищущу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь» (т. 22, с. 73). По мысли Достоевского, разрушение семьи является признаком абсурдного мира, в котором, тем не менее, ее восстановление возможно, поскольку семья является малой Церковью: «союз мужчины и женщины в Священном Писании всегда сравнивается с союзом Христа и Церкви. Так должен любить муж жену, как Христос возлюбил Церковь. Высочайшее духовное предназначение этого союза подтверждается тем, что благодать объединяет двух людей в единую плоть. То же происходит и в Церкви, где люди объединяются Духом Святым, плотью и кровью Христовыми в единое тело Христово. Поэтому мы и говорим о семье как о малой Церкви. Это союз людей, которые в семье живут благодатью, христианскими идеалами и церковной жизнью»⁶. Достоевский, в данном случае, говорит не о внешнем,

⁵ Н.А. Бердяев, *Кризис искусства*, М.: Изд-во Лемана и С.И. Сахарова, 1918, с. 22–23.

⁶ Игумен Георгий (Шестун), *Православная семья*. Самара: ОАО «Издательство „Самарский Дом печати“» 2007, с. 26.

социальном переустройстве, а о восстановлении внутреннего, «нравственного порядка», духовных основ построения и жизни семьи, в которой важно четкое следование каждого из членов семьи своим функциям: у отцов это воспитание, у детей – послушание и почитание родителей. Отсюда высокая степень ответственности у тех, кто воспитывает и чему учит: «воспитывать – это питать и душу, и плоть, и дух. Дух питает душу, душа преображает плоть»⁷.

Выработке идеального вектора развития семьи в «Дневнике писателя» способствует трактовка феномена традиционной семьи как «охраняющего начала», как этического пространства, в котором царит любовь.

Из идеи семьи как явления русской жизни выстраивается, в том числе, положительная программа преодоления духовного кризиса человечества. Семья в «Дневнике писателя» выступает как способ противостояния крушению разобщающегося мира: она выстаивает в сложные периоды за счет патриархальных ценностей, стабильности, укорененности в прошлом.

Восстановление семьи должно начинаться, по мысли Достоевского, с восстановления роли отца, восстановления утраченных связей между отцами и детьми. Идеальных отцов Достоевский видит в русле православной культурной традиции как духовных лидеров семейств, духовных наставников: «Их маленькие детские души требуют непрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтобы вы были для них [...] всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания. Наука наукой, а отец перед детьми всегда должен быть как бы добрым, наглядным примером всего того нравственного вывода, который умы и сердца их могут почерпнуть из науки» (т. 25, с. 189–190).

Важной, по Достоевскому, является актуализация любви, взаимопонимания, терпения: «Любовью лишь купим сердца детей наших, а не одним лишь естественным правом над ними» (т. 25, с. 193). В понимании Достоевского, дети являются одной из фундаментальных нравственных первооснов: «Найти „человека в человеке” для Достоевского означало во многом – найти детское в человеке»⁸. Именно дети

⁷ Там же, с. 11.

⁸ В.С. Пушкарева, Н.Д. Тамарченко, *Дети и детство в структуре «Братьев Карамазовых»* (к вопросу о своеобразии жанра романа у Ф.М. Достоевского), «Проблемы жанра в истории русской и зарубежной литературы», Кемерово 1976, с. 135.

придают семье статус святости, поскольку они связывают мир дольний и горный здесь, на земле. Образец отношения к детям, по мысли Достоевского, дает в Евангелии Христос: «обнимая детей, определил, как на них надо смотреть» (т. 24, с. 137). Г.С. Померанц заметил, что младенец в сознании Достоевского сливается с Христом, «ки он в очень сходных выражениях говорит о ребенке и о Христе как об оправдании мира»⁹.

Семья, по Достоевскому, дается свыше только как высшая святая идея, в естественном же бытовании она «созидается»: «Семья ведь тоже *созидается* [здесь и далее курсив мой – А.К.], а не дается готовою, и никаких прав и никаких обязанностей не дается тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. *Созидается же семья неустанным трудом любви*» (т. 22, с. 70).

Эта позиция соответствует собственным убеждениям Достоевского и отражает укорененность его позиции в ценностях православной культуры. Именно поэтому многие идеи Достоевского оказываются созвучными ключевым позициям святоотеческого наследия: «[...] а для вас довольно будет и того, если вы позаботитесь воспитать своих детей в страхе Божиим, внушить им православное понятие и благонамеренными наставлениями оградить их от понятий, чуждых Православной Церкви. Если что благое вы посеете в душах своих детей в их юности, то может после прозябнуть в сердцах их, когда они придут в зрелое мужество после горьких школьных и современных испытаний, которыми нередко обламываются ветви благого домашнего христианского воспитания»¹⁰. Поэтому, как полагает Достоевский, «отцы» «не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. *Они очеловечивают нашу душу одним только появлением между нами* (курсив мой – А.К.)» (т. 22, с. 68–69).

При этом, видя идеальный вектор развития семьи, Достоевский отчетливо понимает, что «в наше время этого-то порядка и нет, ибо нет ничего общего и связующего, во что бы все отцы верили, а есть на

⁹ Г.С. Померанц, *Открытость бездне: Встречи с Достоевским*. М.: Советский писатель, 1990, с. 246.

¹⁰ Преподобный Амвросий Оптинский. *Советы супругам и родителям*. М.: Благовест, 2009, с. 17–18.

место этого: [...] поголовное и сплошное отрицание прежнего (но зато лишь отрицание и ничего положительного); [...] попытки сказать положительное, но [...] раздробившиеся на единицы и лица, без опыта, без практики, даже без полной веры в них их изобретателей (...) ленивое отношение к делу, вялые и ленивые отцы, эгоисты: „Э, пусть будет, что будет, чего нам заботиться, пойдут дети [...] во что-нибудь выровняются, надоедают только они очень, хоть бы их вовсе не было!” Таким образом, в результате – беспорядок, раздробленность и *случайность* русского семейства, – а надежда – почти что на одного Бога: „Авось [...] пошлет нам какую-нибудь общую идейку, и мы вновь соединимся!”» (т. 25, с. 179).

В «Дневнике писателя» мы видим, что у Достоевского нет наивности в трактовке этой проблемы, он хорошо знает и видит современную ситуацию, которую осмысляет как реалист: «Загадка человеческой души, сложность и „неустроенность” ее, тяжелое и темное подполье раскрываются перед Достоевским с такой силой, с такой неотразимостью, что всю жизнь остается он отравленным тем, что привелось ему увидеть и понять в человеческой душе. Тот наивный оптимизм, который лежит в основе теории прогресса и всяческих утопий, не мог удержаться в его душе – он пропал в нем навсегда»¹¹.

Поэтому для реконструкции идеального уровня существования в «Дневнике писателя» Достоевский использует принцип «от противного»: он создает пугающие картины современной реальности в виде ярких, поражающих воображение читателей, образов, показывая тем самым, насколько далеко мы ушли от идеала.

Главную причину распада семьи Достоевский видит в утрате идеи Бога и бессмертия, вследствие чего общение вытесняется обособлением. Преодоление этих разрушительных тенденций, по Достоевскому, возможно при актуализации утраченных идей, скреплявших и охранявших общество. Идея русской патриархальной семьи, члены которой сильны верностью роду, через разложение, распад трансформируется в русскую идею «всеединства», в жизнь «во всех и для всех», в духовность, преодолевающую рамки семьи и выводящую на уровень вселенского и всечеловеческого.

¹¹ Протопресвитер Василий Зеньковский. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского, «Протопресвитер Василий Зеньковский. Смысл православной культуры» М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007, с. 138.

Именно идея бессмертия души может и должна объединить семью и общество: «Вера эта [в бессмертие человеческой души] есть единственный источник живой жизни на земле – жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений» (т. 24, с. 53). Только возвращение к идее Бога, идее бессмертия души человеческой способно, по мысли Достоевского, восстановить человека, семью и общество, восстановить на новом уровне как «великое, всеобщее, всенародное, всебратское единение во имя Христово» (т. 27, с. 19). Протопресвитер Владимир Зеньковский, говоря о важности для Достоевского темы «восстановления падшего человека», темы спасения и исцеления его, замечает: «На всю жизнь эта любовь к человеческой душе связалась для Достоевского с Евангелием, с проповедью Христа о любви, и христианство для Достоевского открылось именно как *сила спасения* и как *путь спасения* [курсив мой – А.К.]»¹². В этой идее и заключается диалектика духовных и философских построений Достоевского, которая определяется двумя исходными точками – темой о падении человека и темой о его спасении и восстановлении. Сопряженные воедино, эти две точки раскрывают суть христианской антропологии, которая для Достоевского решается через целый ряд вполне конкретных, зримых, проверяемых идей, в том числе – через идею семьи: «случайной» по своему характеру, отражающему характер пореформенной эпохи, но способной к восстановлению себя и мира через преодоление «искуса индивидуальности», «обособленности», «отъединения» через путь обожения, восстановления семьи как «малой Церкви».

Библиография

- Бердяев Н.А., *Кризис искусства*, М.: Изд-во Лемана и С.И. Сахарова, 1918, с. 22–23.
Игумен Георгий (Шестун), *Православная семья*. Самара: ОАО «Издательство „Самарский Дом печати”» 2007, с. 26.
Кошечко А.Н., *Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского* (к постановке проблемы), «Вестник ТГПУ», 2011. Вып. 7 (109), с. 192.
Померанц Г.С., *Открытость бездне: Встречи с Достоевским*. М.: Советский писатель, 1990, с. 246.
Преподобный Амвросий Оптинский. *Советы супругам и родителям*. М.: Благовест, 2009, с. 17–18.

¹² Там же, с. 139.

- Протопресвитер Василий Зеньковский. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского, «Протопресвитер Василий Зеньковский. Смысл православной культуры» М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007, с. 138.
- Пушкарева В.С., Н.Д. Тмарченко, *Дети и детство в структуре «Братьев Карамазовых»* (к вопросу о своеобразии жанра романа у Ф.М. Достоевского), «Проблемы жанра в истории русской и зарубежной литературы», Кемерово 1976, с. 135.
- Семенов Е.И., *Роман Достоевского «Подросток»* (проблематика и жанр), Л.: «Наука» 1979, с. 137.
- Ссылки на *Дневник писателя* Достоевского даются в тексте работы в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука, *Ленинградское отделение*, 1972–1986.

